

Годъ изданія седьмой.

НОЯБРЬ.

№ 2.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЕРВЫЙ МОРОЗЪ (стих.).
РАЗСКАЗЪ БАБУШКИ.
КЪ ТИХОИ ПРИСТАНИ (повѣсть)
ОСЕННЯЯ ТИШЬ (стих.).
ВЪ ЗВЪРИНЦѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Урокъ вязанья.

дыханіе коснулось его пылавших щекъ! Кто-то жалобно заскулилъ надъ его головой. Онъ открылъ глаза и увидалъ, что это былъ Волчокъ, его собака, его другъ, который догадался, что онъ ушелъ и догналъ его. Мальчикъ схватилъ его за лапы, крѣпко прижалъ его къ себѣ и поцѣловалъ его въ морду.

— Волчокъ! воскликнулъ онъ.— Мой милый, дорогой Волчокъ! А я думалъ, что это хозяинъ, и испугался. Значитъ, ты останешься со мной? За это я буду беречь тебя до самой твоей старости и буду тебя кормить! Ахъ, если-бы только мнѣ найти мою маму!

Собака вскочила на ноги, отряхнулась, потянула его за куртку и они пошли далѣе. Волчокъ весело бѣжалъ впереди, обнюхивая дорогу, а за нимъ, едва передвигая ноги, тащился мальчикъ и то и дѣло спотыкался о кочки. Но хуторъ былъ уже недалеко и, сдѣлавъ нѣсколько усилій, мальчикъ добрался наконецъ до первой хаты. Онъ взялся за ручку двери, хотѣлъ ее отворить, но усталость и волненіе дали себя почувствовать и онъ лишился сознанія.

Собака залаяла и на ея лай вышелъ какой-то мужчина. При свѣтѣ огня, который горѣлъ внутри хаты, онъ увидалъ лежавшаго мальчика, поднялъ его на руки и внесъ его къ себѣ.

— Что тамъ? спросила его жена.

— Да вотъ принесъ ребенка, отвѣтилъ онъ ей.—Слышу собачій лай, выхожу, а онъ безъ памяти лежитъ у порога...

— Господи, помилуй!.. перекрестилась женщина и пошла мужу навстрѣчу.—Такъ и есть... Мальчикъ... Ахъ, бѣдненькій!.. Что это съ нимъ?

Они уложили мальчика въ постель, отерли ему мокрымъ полотенцемъ лицо и онъ скоро пришелъ въ себя.

— Какъ тебя зовутъ? обратился къ нему мужчина.

— Коля... отвѣтилъ мальчикъ.

— Кто ты такой? Изъ чьей семьи?

— Не знаю...

— Какъ-же ты сюда попалъ?

— Я бѣжалъ... Я спасался... Меня такъ больно били! Будьте такъ добры, не отдавайте имъ меня назадъ!

— Кому имъ? Расскажи намъ все по порядку!

Мальчикъ оглянулся по сторонамъ, точно боясь, что его могутъ услышать другіе.

— Когда я былъ еще совсѣмъ маленькимъ, началъ онъ, — то у меня были мама и сестра. Я такъ-бы хотѣлъ ихъ увидѣть опять! Но я-бы ихъ теперь не узналъ. Вѣроятно, они очень измѣнились...

Онъ закрылъ глаза и откинулся на подушку.

— Иванъ Кузьмичъ, обратилась къ мужу женщина, — ты-бы раз-

стегнулъ ему рубашку на шеѣ! Ему было-бы легче дышать!

Иванъ Кузьмичъ растегнулъ на мальчикѣ воротъ. Золотой крестъ блеснулъ у него на груди.

— Смотри, Анна Егоровна! воскликнулъ онъ.—Золотой крестикъ! Самъ въ лохмотьяхъ, а крестъ золотой!

Анна Егоровна подошла поближе. Мальчикъ открылъ глаза.

— Его надѣла на меня сама мама, снова началъ онъ. — Это все, что послѣ нея у меня осталось. Когда меня переодѣвали чужіе, то я снялъ съ себя этотъ крестъ и спряталъ, чтобы его у меня не отняли. Такъ я берегъ его до сихъ поръ. Я помню, какъ къ намъ въ городъ пріѣхала ярмарка и какъ мама отпустила меня и няню посмотреть на комедію. За нами увязался Волчокъ, бывшій тогда еще маленькимъ щеночкомъ. Когда я остановился посмотреть, какъ кривлялись комедіанты, то столпился вдругъ народъ, меня затерли и Волчокъ испугался и отбѣжалъ въ сторону. Я побѣжалъ за нимъ, догналъ его и взялъ на руки, но въ это время народъ столпился еще больше и я отбился отъ няни. Я сталъ ее искать, кричалъ, звалъ ее къ себѣ, да такъ и не нашелъ. Я заплакалъ. Тогда какая-то женщина подошла ко мнѣ, взяла меня за руку и насильно увела меня съ собою. Она привела меня куда-то на самый край

города, въ какую-то хатку и стала меня переодѣвать. Были тутъ и другіе люди. Съ меня сняли мой костюмчикъ и надѣли на меня чей-то старый. Затѣмъ меня стали учить пѣть пѣсни и танцовать вмѣстѣ съ медвѣдемъ, котораго я очень боялся. Такъ мы переходили изъ города въ городъ, съ ярмарки на ярмарку, при чемъ я пѣлъ и танцевалъ съ медвѣдемъ, а нашъ хозяинъ бралъ за это съ публики деньги. Все время я думалъ о мамѣ и сестрѣ. Наконецъ мы пришли въ эти мѣста и остановились верстахъ въ пяти отсюда, прямо на полѣ, раскинувъ палатку. Видя, что никого кругомъ нѣтъ, и что будетъ темная ночь, я и рѣшился бѣжать. И вотъ я убѣжалъ. По дорогѣ меня догналъ мой Волчокъ, который меня очень любитъ. Его мои хозяева больно били и не кормили. И вотъ мы оба добѣжали до васъ.

— Бѣдный мальчикъ! вздохнула Анна Егоровна. — Но теперь ужъ ты не бойся! Мы не отдадимъ тебя никому.

Мальчикъ улыбнулся счастливой улыбкой.

— Ты будешь жить у насъ, обратился къ нему Иванъ Кузьмичъ.—Дѣтей у насъ нѣтъ и—кто знаетъ?—быть можетъ, намъ послалъ тебя самъ Господь! Я тебя научу заниматься хозяйствомъ и ты будешь со временемъ намъ помогать... А теперь спи съ Богомъ!

Не бойся ничего! Я никого къ тебѣ не допущу.

Мальчикъ заснулъ, а Иванъ Кузьмичъ и Анна Егоровна еще долго сидѣли около него, глядѣли на него жалостливыми глазами и боялись потревожить его покой. Всего только четверть часа тому назадъ, какъ разъ предъ его приходомъ, они горевали о томъ, что были одиноки и что у нихъ не было дѣтей,—и вдругъ, точно нарочно, судьба послала имъ этого чужого Колю.

Прошелъ годъ. Коля выросъ и возмужалъ. Отъ чистаго деревенскаго воздуха у него еще больше загорѣли щеки и въ чертахъ его лица стало замѣчаться что-то такое, что говорило объ его происхожденіи. Иванъ Кузьмичъ и Анна Егоровна часто переглядывались между собою и, вспоминая объ его матери, глубоко вздыхали.

— Поди, она скучаетъ по немъ, бѣдная... говорила Анна Егоровна. — Мать вѣдь... Всякой матери свое дитя жалко...

Настала зима. У Ивана Кузьмича была родная сестра, которая была выдана въ городъ за мужъ за мелкаго мучного торговца. У нихъ была дочь—дѣвочка Лиза. Какъ-то такъ случилось, что и мучной торговецъ, и его жена умерли одинъ вслѣдъ за другимъ въ какіе-нибудь полгода и Лиза осталась круглой сиротой одна. Ее взяла къ себѣ одна добрая, без-

дѣтная помѣщица и воспитывала ее, какъ родную дочь. Лиза жила въ полномъ довольствѣ, но не забывала также и о своихъ дядѣ Иванѣ Кузьмичѣ и теткѣ — Аннѣ Егоровнѣ, которымъ иногда писала письма. Часто, отправляясь въ городъ продавать пшеницу, Иванъ Кузьмичъ навѣщалъ свою племянницу и ему было очень пріятно, что она воспитывалась, какъ барышня.

— Ужъ очень я люблю глядѣть на чисто одѣтыхъ дѣтей... говорилъ онъ своей женѣ по возвращеніи.—Точно ангелочки! Такъ-бы все время сидѣлъ и глядѣлъ!

И вдругъ, передъ самымъ Рождествомъ, Иванъ Кузьмичъ и Анна Егоровна получили отъ Лизы письмо. Она писала имъ, что у нихъ затѣвается любительскій спектакль, что она тоже играетъ и что ей очень бы хотѣлось, чтобы и дядя съ тетей пріѣхали посмотреть на нее, какъ она будетъ играть.

Иванъ Кузьмичъ любилъ Лизу и былъ доволенъ, что получилъ отъ нея приглашеніе.

— Мы поѣдемъ съ тобой въ городъ, сказалъ онъ Колѣ.—Тамъ ты познакомишься съ Лизой.

Ѣхать въ городъ, видѣть домашній спектакль! Глаза Коли засвѣтились отъ радости. Онъ тотчасъ же досталъ изъ шкафа свои праздничные куртку и штаны, и принялся ихъ чистить. Иванъ Кузь-

мичъ и Анна Егоровна, видя, какъ ему хотѣлось въ городъ, переглядывались между собою и улыбались.

Затѣмъ стали собираться въ дорогу. Работникъ запрегъ лошадь въ санки и подалъ ее къ крыльцу. Иванъ Кузьмичъ и Коля простились съ Анной Егоровной, усѣлись въ санки, укрылись овчиной шкурой и поѣхали въ городъ.

— Кланяйтесь Лизѣ отъ меня! крикнула имъ вслѣдъ Анна Егоровна.

Но вотъ ужъ и городъ. Иванъ Кузьмичъ и Коля оставили лошадь на постояломъ дворѣ и отправились къ Лизѣ. По дорогѣ они купили пряниковъ и орѣховъ и понесли ихъ въ подарокъ. Лиза съ своей пріемной матерью жили въ небольшомъ двухъ-этажномъ домѣ, на Средней улицѣ, и занимали весь верхній этажъ.

— А вотъ и мы! воскликнулъ Иванъ Кузьмичъ, входя съ Колей въ переднюю и отряхивая съ себя снѣгъ.—Просимъ любить и жаловать!

Къ нимъ выбѣжали на встрѣчу Лиза и ея пріемная мать. Начались ахи и охи. Ихъ не знали, гдѣ посадить. Помѣщица, которая воспитывала Лизу, даже поцѣловалась съ Иваномъ Кузьмичемъ, такъ была рада его пріѣзду. Такими-же ласковостью и простотой отличалась и сама Лиза. Она была очень миловидна собой, рѣзва и

глаза ея свѣтились плутоватой добротой. Каждую минуту она готова была смѣяться и губы ея такъ и оставались немного открытыми въ ожиданіи смѣха. Она схватила Колю за руку и, звонко засмѣявшись, потащила его въ комнаты. И долго затѣмъ слышались счастливые голоса ихъ обоихъ. Они бѣгали по всей квартирѣ, щебетали, какъ птички, и всюду стали совать свои носы. Однимъ словомъ, не прошло и часа, какъ они уже близко сошлись и стали такими друзьями, какіе рѣдко бываютъ на свѣтѣ.

— Точно родные братья и сестра!.. говорили о нихъ Иванъ Кузьмичъ и помѣщица —И онъ-то растеть одинъ, да и она-то одна — вотъ и сошлись сразу, какъ родные!

И, сидя въ сторонкѣ и ведя между собою разговоръ, они не могли наглядѣться на Лизу и Колю и имъ казалось, что вмѣстѣ съ ними сразу помолодѣли и они, и что-то сладкое и невыразимо прекрасное стало наполнять ихъ души.

— А хорошо, Капитолина Ивановна, вздохнулъ Иванъ Кузьмичъ,—когда въ домѣ есть дѣти!

— Да, отвѣтила Капитолина Ивановна.—Даже и тогда, когда не свои, а чужіе... А безъ дѣтей, Иванъ Кузьмичъ, что за жизнь? Такъ, пустыня какая-то...

И они еще долго разговарива-

ли о разныхъ дѣлахъ и то и дѣло поглядывали на дѣтей.

Въ нижнемъ этажѣ того-же дома жила одна дама, Софья Сергѣевна, ходившая во всемъ черномъ. Она была вдова, пріѣхала откуда-то издалека и жила вмѣстѣ съ дочерью, ровесницей Лизѣ. Звали дѣвочку Ксеничкой и она во всемъ представляла собой полную противоположность Лизѣ; она рѣдко смѣялась, имѣла задумчивые глаза и въ ней совершенно не было той способности быть настоящимъ, рѣзвымъ ребенкомъ, какою отличалась Лиза. При первомъ же взглядѣ на Ксеничку было ясно, что все ея дѣтство протекло безъ радости и счастья. Не смотря на всю разницу характеровъ, обѣ дѣвочки быстро сошлись. Онѣ стали бывать одна у другой и, чѣмъ больше замѣчалась между ними разница, тѣмъ больше онѣ любили одна другую. Все время, свободное отъ уроковъ, ихъ можно было видѣть вмѣстѣ, гулявшими по двору, или-же игравшими въ куклы то наверху у Лизы, то внизу у Ксенички. Лиза училась въ гимназіи, а къ Ксеничкѣ ходила учительница и, насколько можно было судить со стороны, мать Ксенички была женщиной болѣе богатой, чѣмъ Капитолина Ивановна.

Спектакль, на который Лиза пригласила дядю, устраивался у какихъ-то знакомыхъ. Въ качествѣ

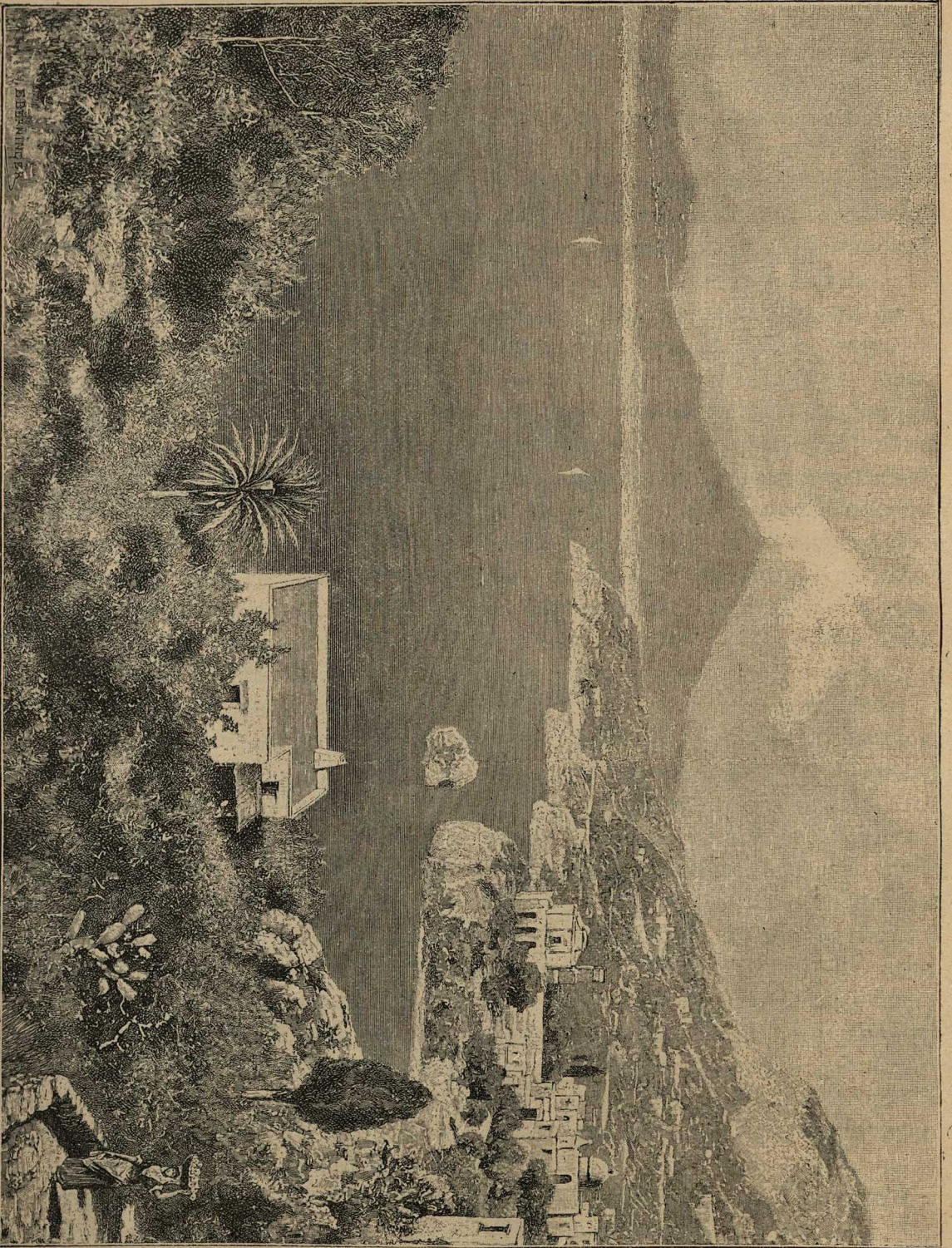
исполнительницы была приглашена и Лиза. Веселая, радостная, она первымъ-же дѣломъ сбѣгала внизъ и вручила билеты Ксеничкѣ и ея мамѣ.

— Вы увидите, какъ я буду играть, сказала она.—Я играю дѣвочку, такую дуру набитую, которая не понимаетъ ничего, что ей говорятъ. Это такъ интересно!..

Ксеничка и ея мама долго отказывались, говорили, что у нихъ по комъ-то трауръ, но подѣ конецъ согласились.

Начались сборы. Послѣ спектакля предполагались танцы и Лизѣ сшили бѣлое платьѣ. Ея звонкій, веселый смѣхъ сталъ теперь раздаваться съ утра до ночи. Она каждые полчаса повторяла свою роль и каждый разъ всѣмъ постороннимъ казалось, что она съ кѣмъ-то разговариваетъ или кого-то зоветъ. Коля смотрѣлъ на нее и завидовалъ ей, что она будетъ играть.

Но вотъ наконецъ спектакль сыграли, публика осталась имъ очень довольна, долго аплодировали и вызывали Лизу и она была внѣ себя отъ радости. Затѣмъ Капитолина Ивановна вышла къ ней въ уборную и одѣла ее въ бѣлое платьѣ, чтобы она могла потанцовать. А въ это время уже раздвигали стулья, на которыхъ сидѣла публика, заиграла какая-то старушка въ кружевной наколкѣ, и танцы начались.

Осень на Югѣ.

Осень на Сѣверѣ.

— Какъ жаль, сказала Лизѣ Капитолина Ивановна, — что ты ничего не надѣла на шею. Крестикъ, или медальонъ... Все-таки съ крестикомъ было-бы лучше!

Услышавъ эти слова, Коля вытащилъ изъ-за шеи свой золотой крестъ, который когда-то надѣла ему на шею мать, и подаль его Лизѣ.

— Вотъ надѣнь, если хочешь, сказалъ онъ. — Это очень красивый крестъ!

Лиза надѣла на себя крестикъ, къ ней подошелъ какой-то гимназистъ и она стала съ нимъ танцевать! Танцевала и Ксеничка и, кажется, это были ея первые публичные танцы за всю ея жизнь.

Обмахиваясь вѣерами и натаптываясь вдоволь, всѣ розовыя отъ возбужденія и отъ жары, Лиза и Ксеничка взялись подъ руку и стали прохаживаться вдоль зала. Онѣ чувствовали себя на верху блаженства и лучшаго для нихъ не нужно было ничего. Онѣ были довольны.

— Правда, интересно? восклицала Лиза. — Сегодня мы просидимъ здѣсь до двѣнадцати часовъ. Мама позволила.

Она называла Капитолину Ивановну мамой. Ксеничкѣ тоже хотѣлось-бы остаться на балу подольше, но она знала, что ея мама уйдетъ рано.

— Хочешь, я попрошу твою маму остаться подольше? предложила ей Лиза.

— Попроси, отвѣтила Ксеничка.

Онѣ обѣ подошли къ Софьѣ Сергѣевнѣ и, какъ только могутъ просить дѣвочки, стали упрашивать ее позволить Ксеничкѣ остаться хоть до половины двѣнадцатаго. Лизѣ сразу-же показалось, что Софья Сергѣевна какъ-то странно поглядѣла на нее, вдругъ покраснѣла, потомъ поблѣднѣла и кое-какъ отвѣтила согласіемъ на приставанье дѣвочекъ. Онѣ обрадовались и пошли далѣе.

„Что-бы это могло значить?“ подумала Софья Сергѣевна. — „Откуда у нея могъ появиться этотъ крестъ?“

И, полная охватившаго ее волненія и будучи не въ силахъ рѣшить этотъ вопросъ, она поднялась съ мѣста и отправилась къ дѣвочкамъ навстрѣчу.

— Откуда у тебя этотъ крестъ? спросила она Лизу, держась рукою за грудь и тяжело дыша.

— Это мнѣ далъ Коля! просто и откровенно отвѣтила дѣвочка.

— Дай мнѣ его сюда.

Лиза сняла съ себя крестикъ и подала его Ксеничкиной матери.

Дрожавшими руками Софья Сергѣевна взяла отъ нея крестъ, оглядѣла его со всѣхъ сторонъ и затѣмъ снова возвратила Лизѣ.

— Да, это онъ... сказала она.

Дѣвочки не поняли ея и такъ-же весело отошли отъ нея и стали продолжать свой разговоръ.

Затѣмъ дама въ черной наколсѣ заиграла снова и всѣ опять стали танцовать. Во время танцевъ Софья Сергѣевна опять подошла къ Лизѣ и взяла ее за руку.

— Гдѣ живетъ этотъ Коля, о которомъ ты мнѣ сказала? спросила она ее.

— На хуторѣ, у моего дяди... отвѣтила Лиза. — Въ Красномъ Курганѣ...

— Мнѣ нужно его повидать... Какъ туда проѣхать?

— Да онъ здѣсь! радостно воскликнула Лиза.—Онъ только не умѣетъ вовсе танцовать и потому стыдится и прячется въ сосѣднихъ комнатахъ!

Въ эту минуту танцы прервались.

— Пойди, дитя мое, обратилась къ Лизѣ Софья Сергѣевна,—и приведи ко мнѣ этого мальчика. Я хочу съ нимъ поговорить.

Лиза пошла въ сосѣднюю комнату и тотчасъ-же привела съ собой Колю. Онъ конфузился, упирался и не шелъ. Ему показалось, что Лиза тащитъ его танцовать. Софья Сергѣевна взглянула на него и еле смогла сдержать себя, чтобы не вскрикнуть. Да, это онъ, ея сынъ, о которомъ она такъ долго плакала, котораго такъ долго и безуспѣшно искала и котораго наконецъ нашла такимъ неожиданнымъ, чудеснымъ образомъ! Передъ ней стоялъ онъ, ея ненаглядный Коля, развѣ не при немъ былъ этотъ ея золотой крестъ, ко-

торый она получила еще отъ своей покойной матери и знала такъ хорошо? Но какъ онъ выросъ, какъ онъ напоминаетъ теперь своего покойнаго отца на томъ портретѣ, гдѣ онъ изображенъ такимъ-же мальчикомъ, каковъ теперь и Коля! Она отводитъ его въ сторону, прячется съ нимъ за дверь и тутъ только даетъ просторъ своему материнскому чувству. Она обхватываетъ его руками, прижимаетъ его къ себѣ и начинаетъ цѣловать. А онъ плачетъ навзрыдъ и только говоритъ:—

— Мама! Мамочка! Мама!

Всѣ тотчасъ-же перестаютъ танцовать, подбѣгаютъ къ нимъ, узнаютъ, въ чемъ дѣло, и начинаютъ ихъ поздравлять.

Затѣмъ Ксеничка, Коля и ихъ мать уѣзжаютъ къ себѣ домой. Они садятся въ столовой за столъ, зажигаютъ лампу и Коля начинаетъ имъ рассказывать свои приключенія. Софья Сергѣевна и Ксеничка то плачутъ въ три ручья, а то смѣются отъ радости. Уже поздно. Часы бьютъ уже два, а они все никакъ не могутъ разстаться и все говорятъ и говорятъ. Мать и дочь не могутъ наглядѣться на Колю и его слова кажутся имъ сладчайшей музыкой, которой они не наслушаются никогда.

На утро къ нимъ приходятъ Иванъ Кузьмичъ и Капитолина Ивановна съ Лизой и снова начинаются аханья, охи и разгово-

ры. И въ угрюмыя доселѣ комнаты нижняго этажа вдругъ проникаетъ яркій лучъ солнца и всѣмъ начинаетъ казаться, что онъ вноситъ вмѣстѣ съ собою новую, радостную, счастливую жизнь.

Потомъ Софья Сергѣевна, Ксеничка и Коля уѣзжаютъ вмѣстѣ съ Иваномъ Кузьмичемъ на ху-

торь и живутъ тамъ безвыѣздно цѣлый мѣсяць. А когда они возвращаются обратно домой, то дружба между Ксеничкой и Лизой становится еще тѣснѣе и грустная до того Ксеничка начинаетъ смѣяться такъ, какъ не смѣялась еще никогда.

М. Ф.

КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

(Исторія мальчика).

ПОВѢСТЬ.

II. У тетушки-Марфеньки.

Цѣлые двое сутокъ Сережа ѣхалъ на простыхъ саняхъ къ своей тетушкѣ Марфѣ Петровнѣ на хуторъ. Было холодно, очень зябли ноги и руки, и дорога казалась безконечной. Дулъ встрѣчный вѣтеръ и сухой снѣгъ, который поднимала лошадка копытами, точно иголками, кололъ щеки и носъ. Попадались одинокія вѣтренныя мельницы, которыя теперь уныло стояли въ бездѣйствіи, коегдѣ темнѣли ветлы и все кругомъ казалось Сережѣ мертвымъ и безжизненнымъ. Ёхали уже цѣлый день, переночевали на какомъ-то постояломъ дворѣ, гдѣ Сережа съ наслажденіемъ поѣлъ горячаго борща, и снова отправились въ путь. Только къ вечеру другого дня пріѣхали къ тетушкѣ на хуторъ: Было уже темно, громко лаяли собаки и привѣтливо свѣтили въ ок-

нахъ огоньки. Когда подѣхали ко крыльцу, то какая то женщина вышла изъ дома и спросила: —

— Кто-тамъ?

— Это мы, отвѣтила женщина, привезшая Сережу. — Здравствуйте! Доложите хозяйшкѣ, что ея племянничекъ пріѣхалъ!

— Ахъ, Господи! радостно воскликнула женщина. — Наконецъ-то! А мы его поджидаемъ уже давно!

Она вбѣжала въ домъ, затѣмъ выбѣжала вновь, подскочила къ санямъ и стала высаживать изъ нихъ Сережу.

— Голубчикъ мой! причитала она. — Дорогой мой! Должно быть, уморился съ дороги! И пошлетъ-же Господь такую радость! Ну, иди, иди скорѣе, погрѣйся! Вотъ такъ!

Она взяла Сережу за руку и ввела въ домъ. Едва только онъ

успѣлъ снять съ себя башлыкъ, какъ въ переднюю вошла маленькая, хорошенькая старушка.

— Серезенька! радостно воскликнула она.—Голубчикъ мой!

Далѣе она не могла продолжать, обняла его и крѣпко прижала его къ груди. Затѣмъ она стала его цѣловать. Не ожидавшій такой ласки, увидѣвъ себя въ теплѣ, Сереза какъ-то сразу почувствовалъ себя дома. Неужели здѣсь не будутъ имъ тяготиться такъ, какъ тяготился Егоръ Тимофеевичъ? И, подчиняясь какому-то новому, охватившему его чувству, онъ тоже крѣпко обнялъ старушку и поцѣловалъ.

— Да что-же это, Карповна, ты стоишь? обратилась наконецъ тетушка - Марфенька къ женщинѣ. Помоги ему раздѣться!

Карповна сняла съ Серези пальто и усадивъ его на сундукъ, стала снимать съ него валенки.

— Ахъ, батюшки! все еще причитала она.—И пошлетъ-же Господь такую радость! Сиди, сиди, дѣтка, я сейчасъ сниму! Вотъ такъ!

Затѣмъ обѣ старушки ввели Серезу въ комнаты. Въ нихъ было чистенько, ласково и уютно. Стояла старомодная мебель красного дерева, на окнахъ висѣли тюлевые занавѣски и цвѣли цвѣты. Вдоль комнаты, по блиставшему, крашенному полу тянулись дорожки бѣлоснѣжной бѣлизны. Было тепло и пахло чѣмъ-то вкуснымъ.

Съ первой-же минуты Серезу стали закармливать. Его усадили за столъ, наставили передъ нимъ разныхъ солений и мариновокъ и обѣ старушки, тетушка—Марфенька и Карповна, стояли передъ нимъ, глядѣли, какъ онъ ѣлъ, и не могли наглядѣться на него самого.

— Ну, весь, весь въ мать! говорила тетушка - Марфенька.—Какъ двѣ капли воды! Точно я вижу передъ собой ее самое, покойницу! Съѣшь вотъ еще и этотъ кусочекъ!

И она подкладывала Серезѣ кусокъ за кускомъ. Карповна слѣдовала примѣру своей госпожи и дѣлала тоже. На тарелкѣ у Серези образовалась цѣлая гора, осилить которую, несмотря на весь свой аппететъ, онъ не могъ.

Затѣмъ старушки принялись устраивать для него постель. Была внесена откуда-то кровать, на нее положили громадный пуховикъ и двѣ подушки, и усталый Сереза утонулъ въ нихъ и тотчасъ-же заснулъ, какъ убитый. Все это казалось ему прекрасной сказкой, онъ не смѣлъ даже и мечтать, что ему окажутъ такой приемъ, и улыбался во снѣ. А около него стояли обѣ старушки и многозначительно переглядываясь между собою, боялись, какъ бы его не разбудить, и старались то лишній разъ оправить подъ Серезей подушку, то лучше укрыть его одѣяломъ. Затѣмъ, нѣ-

сколько разъ его перекрестивъ и строго наказавъ Карповнѣ не отлучаться далеко, чтобы подать ему воды или поѣсть, она отправилась къ себѣ въ спальню, раздѣлась, улеглась, но еще долго не могла заснуть.

Она была рада. Чѣмъ-то новымъ, давно уже забытымъ вдругъ повѣяло у нея въ домѣ. Она была одинока. Вотъ ужъ сколько лѣтъ прошло, какъ она живетъ во всемъ домѣ совершенно одна, безвыѣздно, не бывая нигдѣ, кромѣ церкви по воскреснымъ днямъ, да на базарѣ въ сосѣднемъ селѣ. Она жила, какъ монахиня, ходила только въ черныхъ платьяхъ и цѣлые дни проводила въ молчаніи да въ мелочныхъ заботахъ о своемъ хуторѣ и о лицахъ, которыя ей служили. И вдругъ въ ея домѣ появился этотъ мальчикъ, этотъ сирота, о которомъ она писала уже давно и котораго такъ хотѣла видѣть у себя. Теперь онъ пріѣхалъ. Старушкѣ показалось, что съ его пріѣздомъ колесо жизни сразу повернулась для нея назадъ. И не прошло затѣмъ и мѣсяца, какъ она какъ-то помолодѣла, какъ-то приободрилась, стала смѣяться и шутить съ Карповной и съ Сереей. Его голосъ казался ей великолѣпной музыкой, начавшей звучать въ ея домѣ послѣ такого долгаго перерыва, она не могла ея послушаться и когда Сереежа съ жаромъ начиналъ ей раз-

сказывать о Марусѣ и объ ея отцѣ, то она улыбалась и ей казалось, что Богъ посылаетъ ей въ этомъ мальчикѣ новую радость, чтобы скрасить и сдѣлать счастливой ея одинокую жизнь.

Хуторъ былъ превосходный. Маленькій, бѣленькій домикъ со службами, большой паркъ, громадный дворъ съ разными хозяйственными постройками — все это съ перваго-же дня было предоставлено въ распоряженіе Сереежи. Когда наступила весна, прилетѣли птицы и на деревьяхъ появились первые липкіе листочки, то его веселый голосъ уже сталъ раздаваться то тутъ, то тамъ и, довольная своей судьбой, тетушка Марфенька поднимала къ небу глаза, складывала руки на груди крестомъ и благоговѣйно произносила:

— Слава тебѣ, Господи!.. Благодарю Тебя, что Ты утѣшилъ меня хоть подъ конецъ!

Когда-то няньчившая дѣтей Марфы Петровны, теперь уже умершихъ, и ставшая на хуторѣ уже своимъ человѣкомъ, Карповна тоже привязалась къ Сереежѣ и ей показалось-бы теперь страннымъ, если бы ей вдругъ отказали отъ мѣста или лишили общенія съ мальчикомъ. Когда Сереежа пѣлъ пѣсни или громко, по-мальчишески, стучалъ по полу ногами, то, прислушиваясь къ его звукамъ, Карповна чувствовала себя на седьмомъ небѣ и тоже говорила:—

— Слава Тебѣ Господи! Теперь мы не однѣ!

Тетушка - Марфенька была довольна, часто стала мечтать о будущемъ и, боясь отогнать отъ себя свои счастливыя мечты, она заботливо укладывала Сережу въ постель сама, ревниво оберегала его покой или-же, сидя около его изголовья, слушала и не могла наслушаться, какъ онъ рассказывалъ ей о своемъ пребываніи въ училищѣ или о Марусѣ, съ которой былъ друженъ и которую до сихъ еще поръ любилъ, какъ сестру.

— И ты не знаешь, гдѣ она теперь? спрашивала старушка. — Вотъ бы найти ее и взять бы ее сюда!

И тетушка - Марфенька начинала уже мечтать и о Марусѣ и рисовала себѣ желанныя картины, какъ ея Сережа и она бѣгали-бы по ея хутору вмѣстѣ и какъ на ихъ радость радовалась-бы и она сама.

— „Надо непременно отыскать эту самую Марусю!“ думала она. — „Вѣдь она такая-же бездомная сирота, какъ и Сергѣй!“

И она въ который уже разъ старалась выспросить у Сережи подробности. Онъ рассказывалъ ей, не подозрѣвая ничего и даже не желая вникать ни во что, бѣгалъ по дорожкамъ сада и игралъ въ свои игры. Свѣтило солнце, весело распѣвали птицы и съ поросшей камышами рѣки доносились трещаніе лягушекъ. Когда-то

въ этомъ хуторѣ шумно протекала жизнь, было весело, пріѣзжали гости, устраивались танцы. Въ этомъ самомъ, теперь заросшемъ саду гуляли барышни и кавалеры, а потомъ все вымерло. разѣхалось, повыходило замужъ и поженилось — и тетушка - Марфенька осталась одна. Съ тѣхъ поръ густо разрослись жасминъ и и сирень и теперь въ нихъ гнѣздились соловьи и громко распѣвали во всѣ голоса. И тетушка - Марфенька уже не думала о быломъ, а мечтала уже о будущемъ, старалась вообразить себѣ Сережу, когда онъ выростетъ большимъ, обзаведется своей семьей и поселится въ этомъ хуторѣ. И тогда закипитъ здѣсь жизнь. Сережа выстроитъ себѣ большой домъ, заиграетъ въ немъ музыка и на смѣну старому поколѣнію явится новое, молодое, бодрое, дѣловое и этотъ старый садъ, быть можетъ, тоже вспомнить о быломъ и улыбнется своей старческой, добродушной улыбкой. А она, тетушка - Марфенька, если только она доживетъ до тѣхъ поръ, сядетъ въ кресло съ высокой спинкой, надѣнетъ на голову бѣлый чепецъ и будетъ радоваться на молодежь.

— Дай только Богъ дожить... шептала старушка. — Дай только увидѣть Сережу большимъ!

А затѣмъ потекли дни за днями, промелькнуло лѣто, потяну-

Детишки.

лась зима, за ней опять настали весна и лѣто и Сережѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ. Наступало время учиться и для тетушки-Марфеньки возникалъ серьезный вопросъ, какъ быть съ ученьемъ Сережи? Иногда къ ней приходило рѣшеніе отвезти его въ городъ и отдать его въ гимназію, но она все медлила, не могла остановиться ни на чемъ и все боялась, что онъ еще недостаточно подготовленъ для поступленія, а готовить его на хуторѣ бы некому. Часто она вставала по ночамъ съ постели и долго молилась, чтобы Сережа остался при ней навсегда, хотя и сознавала, что это невозможно. А Сережа въ это время не думалъ ни о чемъ и старался жить настоящей минутой. Съ утра и до вечера онъ бѣгалъ по саду и по полямъ, и, набѣгавшись, весь потный, являлся въ домъ и принимался за ѣду. Набѣвшись досыта, онъ снова выбѣгалъ на воздухъ и все время Карповна, полюбившая его безъ ума, старалась быть около него и терпѣливо переносила отъ него все, что онъ хотѣлъ: онъ надѣвалъ на нее вожжи и игралъ съ нею въ лошадки или въ прятки, просилъ ее что-нибудь ему рассказать. И всякій разъ, слыша по вечерамъ его счастливый смѣхъ, тетушка-Марфенька садилась на крылечко своего домика, вязала чулокъ и начинала думать думу. Для ея добраго,

женскаго ума было ясно, что уже давно была-бы пора приступить къ выбору для Сережи карьеры, начать его чему-нибудь учить, что обезпечило-бы ему жизнь впоследствии, но она не могла ни на что рѣшиться, а время все шло и шло.

Былъ теплый іюльскій вечеръ. Высокіе тополи, раскидистые каштаны и акаціи, окружавшія съ трехъ сторонъ ея старенькій домикъ, едва слышно перешептывались между собою отъ набѣгавшаго вѣтерка, а отъ маслинки, широко разбросавшей вокругъ себя свои сѣдыя вѣтви и бывшей въ полномъ цвѣту, доносился еле уловимый аромать. Вокругъ тополей гудѣли жуки, подъ вѣтвями стараго каштана тучей висѣли въ воздухѣ мошки, а въ поляхъ пшеницы, начинавшихся сейчасъ-же за дворомъ хуторка, раздавались крики перепеловъ. На крышѣ сарая аистъ укладывался на ночлегъ.

— Нѣтъ, видно придется-таки писать брату... вздохнула Марфа Петровна.—Большедѣлать нечего...

Со своимъ братомъ Семеномъ Петровичемъ тетушка-Марфенька не видалась уже десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ хорошія еще времена поѣхалъ искать счастья на Югъ и, женившись тамъ, навсегда поселился въ Одессѣ, — она не знала о немъ ничего. Кое-когда до нея, правда, доходили слухи, что онъ торгуетъ пшеницей

и имѣть свой домъ—и только. Отъ самого-же его не было ни слуху, ни духу.

„Написать брату“,.. думала она,— „можетъ быть, онъ какъ нибудь пристроить Сережу, да страшно-вато: Христось его знаетъ, какъ онъ посмотритъ на это дѣло... А такъ Сережу оставить никакъ нельзя“...

И она при этомъ еще скорѣе перебирала спицами отъ чулка, точно это могло ей помочь въ ея думахъ.

Такъ она размышляла каждый вечеръ и, наконецъ, въ нынѣшній твердо рѣшила исполнить свое намѣреніе и написать брату о Сережѣ. Кряхтя, она поднялась со ступеньки, свернула чулокъ и, сдвинувъ на лобъ очки, черезъ всѣ комнаты перешла въ маленькую гостиную, откуда дверь вела прямо на террасу, выходившую въ садъ. Здѣсь она полѣзла въ столъ, долго рылась въ немъ и, доставъ листъ почтовой бумаги и конвертъ, стала придумывать, о чемъ писать, и, не выдумавъ ничего, вышла на террасу.

— Сережа! крикнула она.— Гдѣ ты?

— Я здѣсь! донеслось откуда-то снизу.

Она сошла со ступенекъ и, нюхая на ходу розы, направилась черезъ садъ къ рѣкѣ. Въ саду было мирно и тихо и уже становилось прохладно отъ наступав-

шаго вечера. Сквозь кусты чуть-чуть виднѣлось что-то красное: это Сережа въ красной рубахѣ удилъ рыбу. Онъ сидѣлъ на мостикѣ по-турецки и сосредоточенно глядѣлъ на поплавокъ.

— Что, все рыбку ловишь? спросила Марфа Петровна и ласково заглянула ему въ самые глаза.— Ну, лови, лови... А я все къ дяденькѣ думаю написать, да никакъ не придумаю... Хорошо ловится?

— Семь рыбокъ поймалъ, отвѣтилъ Сережа.— Вотъ посмотрите, тетя, какого окуня вытащилъ.

И онъ обнажилъ руку и полѣзъ ею въ кувшинъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ... Послѣ увижу! сказала тетушка и, потрепавъ мальчика по щекѣ, тѣмъ-же путемъ выбралась снова на террасу. Здѣсь она еще долго простояла, глядя на потемнѣвшія деревья и придумывая, что написать брату въ Одессу, а потомъ вошла въ гостиную, зажгла свѣчу, сразу написала цѣлое письмо, запечатала его въ конвертъ и свободно вздохнула: точно гора свалилась у нея съ плечъ.

Часовъ въ девять съ рѣки возвратился Сережа. Тетушка-Марфенька усадила его за столъ и стала съ нимъ ужинать. А когда послѣ ужина Сережа улегся спать, она потихоньку, чтобы не разбудить его, вышла на ципочкахъ изъ спальни и, пройдя черезъ весь дворъ къ сараю, кликнула

сторожа Юхима, вручила ему письмо и приказала ему завтра чуть свѣтъ отвезти его въ городъ на почту.

Дней черезъ двѣнадцать тетушка Марфа Петровна получила изъ Одессы отвѣтъ. Дрожавшими отъ волненія руками она стала шарить по комоду, отыскивая очки, и, найдя ихъ, сѣла въ кресло, перекрестилась и распечатала конвертъ. Взволнованный Сережа стоялъ около нея и ожидалъ чего-то страшнаго.

„Любезная сестрица Марфа Петровна“, дрожавшимъ голосомъ прочла она. — „Приношу вамъ глубокую благодарность, что вы вспомнили обо мнѣ и написали мнѣ письмо. Что сказать вамъ относительно нашего племянника Сергѣя? Хотя я и не могу сейчасъ обѣщать вамъ ничего опредѣленнаго, однако же думаю, что дѣло какъ нибудь устроится, если вы пришлете Сережу прямо ко мнѣ и немедленно. Я, слава Богу, живъ и здоровъ, имѣю свой домикъ и радуюсь на дѣтей; у меня ихъ трое: мальчикъ и двѣ дѣвочки. Жена-же моя, волею Божіею, скончалась годъ тому назадъ и теперь мои дѣти — сироты. Жаль ихъ, бѣдныхъ, такъ какъ скучаютъ безъ матери, да дѣлать нечего, противъ судьбы не пойдешь. Еще разъ благодарю васъ, что вспомнили обо мнѣ и написали. Давно, очень давно не получала отъ васъ писемъ. Остаюсь Вашъ братъ Семень Петровичъ Коваленко“.

Тетушка Марфа Петровна положила письмо на столъ и стала вытирать платкомъ глаза.

— Спасибо и ему голубчику, что отвѣтилъ,— сказала она. — Дай Богъ ему здоровья...

И она еще разъ вытерла глаза.

— Ну, Сереженька, медлить нечего... продолжала она. — Куй желѣзо, пока горячо. Я уже все передумала. Завтра же, пошлемъ Юхима подковывать лошадей, да и поѣдемъ вмѣстѣ. Одного тебя я не пущу: страшно; да кстати и съ братцемъ повидаюсь.

— А скоро мы поѣдемъ? спросилъ вдругъ, обрадовавшись предстоящей поѣздкѣ, Сережа.

— Какъ соберемся, такъ и поѣдемъ... Море увидимъ; говорятъ, ему и конца-краю нѣтъ... А корабли, говорятъ, тамъ такіе плаваютъ, какъ нашъ домъ... Тамъ, Сереженька, хорошо жить! Не даромъ твой дядя тамъ остался навсегда.

— А рыба тамъ на удочку идетъ?

— Не то, что рыба, а, говорятъ, цѣлые осетры да стерляди идутъ.

Запрыгавъ отъ радости и съ криками: „Поѣдемъ! Поѣдемъ!“ Сережа выбѣжалъ въ садъ, а тетушка Марфа Петровна снова взялась за чулокъ и сѣла по прежнему на крыльцѣ, но уже думала о другомъ: теперь она мечтала уже о свиданіи съ братомъ и только по временамъ морщилась, когда вспоминала, что придется надолго разстаться съ хуторомъ.

На другой день рано утромъ Юхимъ повелъ лошадей ковать и починять экипажъ и въ тотъ-же день-вечеромъ возвратился обратно. А затѣмъ начались сборы, длившіеся болѣе недѣли, и наконецъ въ одно утро хуторокъ опустѣлъ: Марфа Петровна и Сережа выѣхали на лошадяхъ въ Сумы. Какъ и всякая хозяйка, Марфа Петровна долго не могла оторвать глазъ отъ своего родного хутора и даже всплакнула. Когда-же высокіе тополи утонули наконецъ въ котловинѣ и отъ хутора не осталось видно уже ничего, она перекрестилась, перекрестила то мѣсто, гдѣ онъ исчезъ, и сказала:—„Ну, оставайся съ Богомъ!“

Цѣлыя сутки ѣхали они по жарѣ, глотая пыль, и только къ вечеру второго дня пріѣхали въ Сумы. Здѣсь Марфа Петровна отпустила Юхима и напутствовала его всевозможными пожеланіями. До отхода поѣзда оставалось всего только полчаса. Впопыхахъ она и Сережа вскочили въ вагонъ и кое-какъ заняли мѣста, устроились поудобнѣе, развернули яйца и пирожки и стали ѣсть. Тронулся поѣздъ и послѣ полутора ста верстъ на лошадяхъ, ѣзда въ вагонѣ показалась имъ такой удобной и покойной, что не смотря на тѣсноту и духоту, они, усталые и разморенные, тотчасъ-же уснули въ сидячемъ положеніи и этотъ сонъ на голыхъ доскахъ показался имъ въ нѣ-

сколько разъ крѣпче и слаще того, какимъ они спали на постояломъ дворѣ по дорогѣ изъ хутора до Сумъ.

А когда настало утро, они пріѣхали въ Кіевъ. Масса народа на платформѣ, военные, студенты, нарядныя дамы, сновавшіе туда и сюда носильщики, нагруженные доверху багажомъ телѣжки—все это показалось имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ. Протискавшись сквозь толпу, они вошли въ вокзалъ и сразу отступили назадъ. Туда-ли они попали? Въ первый разъ въ жизни они видѣли передъ собой такой длинный столъ, уставленный приборами, винами и цвѣтами.

„Для кого все это приготовлено?“ подумалъ Сережа.—„Должно быть, для губернатора“.

До отхода поѣзда въ Одессу имъ оставалось ждать цѣлый день. Отъ нечего дѣлать, они вышли изъ вокзала и почти у крыльца увидали трамвай. Восторгамъ и удивленію Сережи не было конца. И онъ, и тетушка Марфенька сами себѣ не вѣрили, когда за пятакъ проѣхали чуть не черезъ весь городъ. По пути ихъ занимало все: и дома, и вывѣски, и окна магазиновъ. Въ своихъ прогулкахъ, въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ и Лавры, они и не замѣтили, какъ свечерѣло, и стали уже подумывать о возвращеніи на вокзалъ.

— Какъ-бы намъ не опоздать? —забезпокоилась тетушка Марфенька

Они сѣли въ вагонъ трамвая и отправились на вокзалъ. Когда они проѣхали уже довольно большое пространство и мимо нихъ протянулся длинный тополевыи бульваръ, то откуда-то изъ переулка выѣхалъ вдругъ извозчикъ и проѣхалъ такъ близко мимо нихъ, что чуть не задѣлъ крыломъ за вагонъ трамвая. Сережа взглянулъ на него, да такъ и обомлѣлъ. При слабомъ освѣщеніи заката онъ увидѣлъ на немъ Марусю и съ ней какую-то худую даму и нѣсколько чемодановъ.

— Маруся! Маруся! закричалъ онъ ей вслѣдъ и схватился за сердце.

Все закружилось въ его глазахъ: и вагонъ трамвая, и пассажиры, и бульваръ. Онъ продолжалъ кричать „Маруся! Маруся!“, но его не понималъ никто, а тѣ, кто проѣхалъ мимо него на извозикѣ, не услышали его и продолжали свой путь и тоже, повидимому, на вокзалъ.

Онъ плакалъ, и умолялъ, чтобы поскорѣе остановили вагонъ, увѣрялъ тетю, что видѣлъ сейчасъ Марусю, и когда наконецъ вагонъ былъ остановленъ и онъ, позабывъ даже о тетушкѣ-Марфенькѣ, выскочилъ изъ него и пустился бѣжать вслѣдъ за извозникомъ, то было уже темно, впереди свѣтились огни фонарей и всѣ извозчики и пѣшеходы смѣшались въ общую живую массу, которая двигалась и волновалась, но въ которой теперь

трудно было узнать какое-нибудь опредѣленное лицо.

Запыхавшись, вся въ поту, его догнала тетушка. Не чуя подъ собою ногъ, онъ тянулъ ее по тому направленію, по которому поѣхала съ дамой Маруся, держался рукой за сердце, чтобы оно не разорвалось на части, и все повторялъ:

— Боженька, научи меня, какъ поскорѣе догнать Марусю! Помогите мнѣ!

А тетушка-Марфенька, какъ шарикъ, катилась рядомъ съ нимъ, еле поспѣвала и потъ градомъ струился у нея по лицу.

— Ай, батюшки! задыхалась она. — Ой, матушки! Жара-то, жара какая! Просто нечѣмъ и вздохнуть!

Запыхавшись отъ усталости, всѣ мокрые отъ жары, они прибѣжали наконецъ къ вокзалу и, не помня себя и не видя передъ собой никого и ничего, выскочили на платформу. Около нея стоялъ поѣздъ, уже совсѣмъ готовый отправляться въ путь. И вдругъ, въ самый тотъ моментъ, когда Сережа и тетушка-Марфенька подбѣжали къ нему съ тѣмъ, чтобы заглянуть въ окна его вагоновъ и разыскать въ нихъ Марусю, вдругъ раздался третій звонокъ и поѣздъ медленно, но неумолимо, отошелъ отъ станціи и увезъ съ собою ту, кого они такъ пламенно хотѣли увидѣть. И вдругъ эта самая та, эта Маруся, выглянула изъ окна проползавшаго мимо нихъ вагона.

— Сережа! вдругъ воскликнула она, узнавъ своего друга. — Сережа!

— Маруся, Маруся! закричалъ онъ ей и схватился за сердце. — Я здѣсь! Я здѣсь!

Но поѣздъ все скорѣе и скорѣе сталъ отходить отъ станціи. Маруся замахала Сережѣ платкомъ, но скоро все потонуло во мракѣ вечера, замелькали впереди красные и зеленые огоньки и задвигались другіе вагоны и другіе локомотивы. Ахъ, какъ Сережѣ захотѣлось закричать, затопать ногами и начать плакать, умолять, грозить, но все стало кружиться въ его головѣ и изъ боязни, какъ-бы не лишиться сознанія и не упасть, онъ прислонился къ столбу и сталъ тяжело дышать.

— Да что-ты, что-ты, голубчикъ мой? залепетала тетушка Марфа Петровна. — Успокойся! Господь тебя благослови! Вишь, какъ сразу осунулся и поблѣднѣлъ!..

Сережа взялъ себя въ руки, овладѣлъ собою, но потомъ заплакалъ и слезы облегчили его. Подали поѣздъ на Одессу, онъ взялъ тетушку-Марфеньку за руку и пошелъ съ нею разыскивать того сторожа, которому они отдали на сохраненіе свой багажъ. А вокругъ нихъ по прежнему бѣгали и суетились пассажиры, кричали но-

сильщики и везли телѣжки, нагруженные багажемъ.

— Ахъкакаяонахорошенькаядѣвочка!.. вдругъ воскликнула Марфа Петровна, вѣроятно отвѣчая на свои-же собственныя мысли. — Такъ и стоитъ у меня передъ глазами!.. Ну, точно ангелъ божій! И создастъ-же такую голубушку Господь! Вотъ прелесть!

Сережа молчалъ. Ему было больно и обидно, что онъ не могъ повидаться съ Марусей, и казалось, что теперь онъ не увидится съ нею уже больше никогда.

Они взяли свои вещи, сѣли въ вагонъ и долго потомъ молчали. Вошелъ кондукторъ, провѣрилъ билеты и всѣ стали устраиваться на покой. Когда-же наступила ночь и всѣ въ вагонѣ улеглись, то улеглись и они.

Всю ночь Сережа плохо спалъ и все думалъ о Марусѣ. Гдѣ то она теперь? Куда она поѣхала? Напишетъ-ли она ему? И кто была та дама, съ которой она ѣхала такъ далеко?

Сережа задавалъ себѣ эти вопросы, ворочался съ боку на бокъ и не могъ заснуть, а поѣздъ все дальше и дальше везъ его на Югъ и его колеса мѣрно и однообразно выстукивали подъ нимъ свою мелодію и, казалось, говорили: — „Счастливаго пути! Счастливаго пути!“

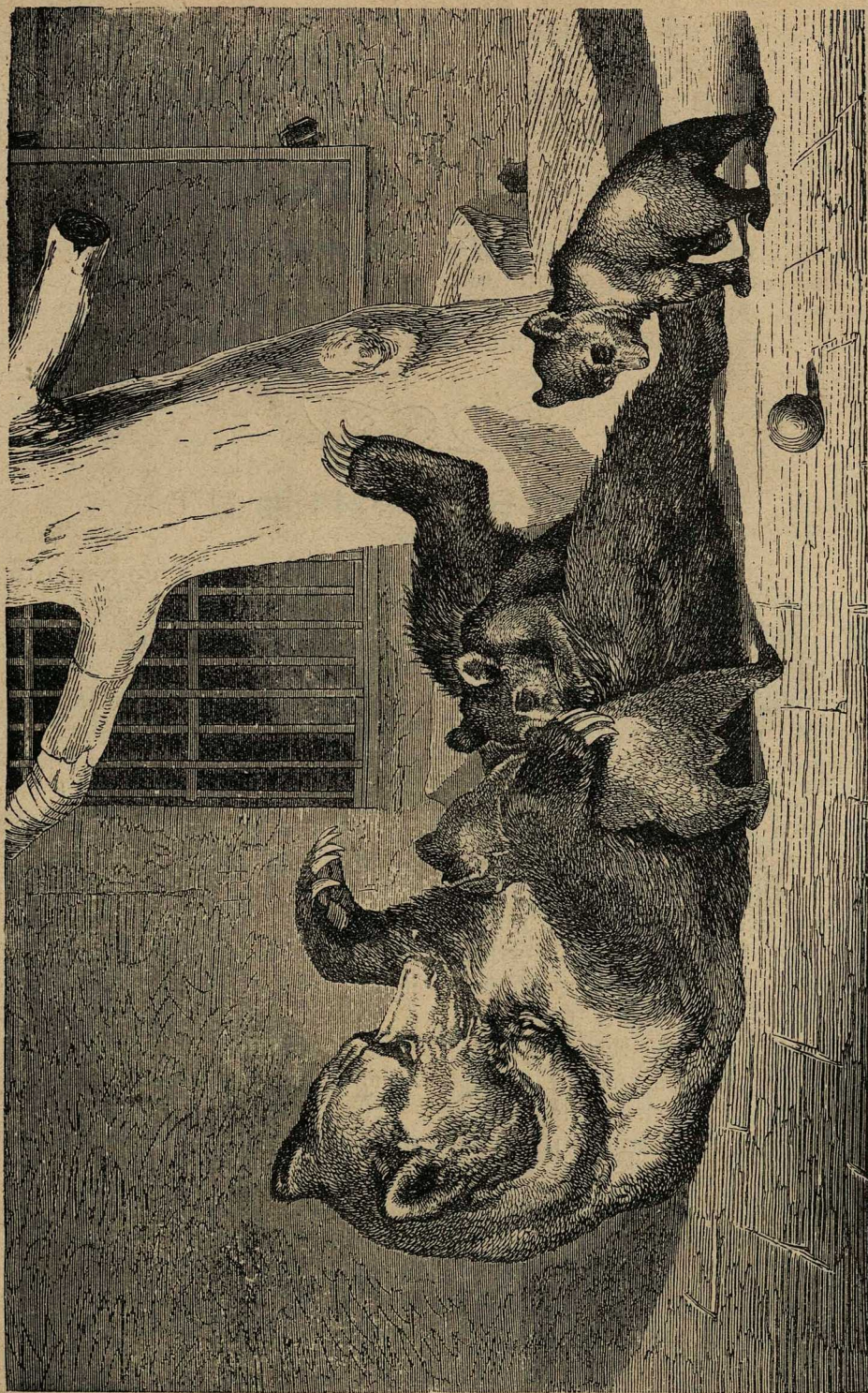
М. Б — скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Первый снѣжокъ.

Я лежала на спинѣ, дѣти ласкались ко мнѣ, маленький Тимка бросалъ свой мячикъ и тоже старался меня приласкать.

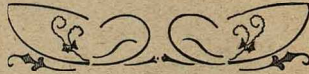
ОСЕННЯЯ ТИШЬ.

Вслѣдъ за осенью дождливой
Ужъ зима идетъ
И по рѣчкѣ суетливой
Потянулся ледъ.

Ничего изъ за тумана
Не видать въ окно,
А чуть вечеръ, хоть и рано,
А уже темно.

Такъ кругомъ все тихо-тихо,
Хмурою порой,
Только слышно, какъ волчиха
Воетъ подъ горой.

Ирисъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

1.

Насъ было у матери четверо медвѣжатъ: нашъ старшій братъ, которому было уже два года и который служилъ для насъ нянькой, и мы трое, которымъ только что исполнилось по четыре мѣсяца. Нашъ старшій братъ не отходилъ отъ насъ ни на шагъ и находился въ полномъ подчиненіи у матери. Ему это не нравилось.

— Когда же я наконецъ получу свободу? ворчалъ онъ. — Вѣдь я уже большой! Мнѣ уже два года!

Мать безъ церемоніи била его лапой по мордѣ и отвѣчала:—

— Не смѣй разсуждать! Ты обязанъ! Развѣ ты не знаешь, что у медвѣдей всегда кто-нибудь одинъ остается при семьѣ за няньку!

И нашъ старшій братъ покорно принимался за дѣло.

Я помню, какъ намъ исполнилось четыре мѣсяца.

— Выходите! Выходите изъ берлоги! крикнула намъ мать. — Теперь пора и на свѣтъ Божій! Надо привыкать!

Мы еще были сосунками и не знали еще ровно ничего. Мать вытащила насъ зубами изъ берлоги и мы увидѣли себя въ лѣсу. Свѣжимъ воздухомъ пахнуло намъ въ мордочки и показалось такъ просторно, что сдѣлалось даже страшно.

— Ничего, ничего! ободрила насъ мать. — Идите, не бойтесь.

Она пошла впереди, мы послѣдовали гуськомъ за нею, а позади всѣхъ плелся нашъ старшій братъ. Всю дорогу онъ ворчалъ:

— Мама, отпусти меня! Вѣдь я уже большой! Мнѣ надоѣло возиться съ малышами.

Но мать не обращала на него вниманія и молча шла своей дорогой. Мы всѣ шли иноходью, переваливаясь съ боку на бокъ, т. е. ступая сразу то обѣими правыми ногами, то обѣими лѣвыми, и, вѣроятно, со стороны было забавно на насъ смотрѣть.

„Какіе неуклюжіе!“ подумалъ-бы про насъ человѣкъ.

Но онъ ошибся-бы. Не смотря

на всю нашу косолапость, мы быстры и ловки и это мы доказали почти тотчасъ-же, когда мать вывела насъ на полянку и сказала намъ: —

— Играйте! Лазайте по деревьямъ! Кувыркайтесь!

Мы тотчасъ-же принялись за игры. Мы поднялись на заднія лапки и стали бѣгать и ловить другъ друга, какъ это дѣлають дѣти человѣка. Затѣмъ мы стали взлѣзать на деревья по совершенно голымъ и прямымъ, какъ свѣчка, стволамъ и дѣлали это съ такимъ искусствомъ, что намъ могъ-бы позавидовать акробатъ. Наша нянька, т. е. старшій братъ, слѣдилъ за нами, подсаживалъ насъ, поддерживалъ и вообще принималъ всѣ мѣры, чтобы съ нами чего-нибудь не случилось. А въ это время наша мать ходила тутъ-же, по полянкѣ, и питалась. Она ѣла все, что ей попадалась: траву, кузнечиковъ, улитокъ, дождевыхъ червей, жолуди, грибы и даже ползавшихъ по пробитой ими дорожкѣ муравьевъ. Медвѣди— животныя всеядныя, не требовательныя и довольствуются тѣмъ, что попадается имъ по пути.

— Лови, лови, лови! вдругъ услышали мы голосъ нашего старшаго брата.

И вслѣдъ затѣмъ, съ быстротою молніи онъ бросился вдругъ въ сторону и сталъ гоняться за какой-то птицей. Оказалось, что онъ вспугнулъ рябчика. Мать тоже вздрогнула и, понявъ, въ чемъ дѣло, присоединилась къ своему сыну. Съ необыкновенной ловкостью они поймали на лету рябчика, ощипали его и съѣли.

— Ну, а теперь, дѣтки, я пойду пить! сказала мать.

И такую-же вереницей, какъ шли и сюда, мы отправились къ рѣкѣ. Мать и нянька стали пить. Напившись, мать уставилась мордой въ воду и вдругъ быстрымъ движеніемъ лапы поймала рыбу и съѣла ее. Нянька-же прямо бросился въ рѣку, поплылъ по ней и то и дѣло сталъ хватать зубами за хвостъ рыбу, которая плыла передъ нимъ и не давалась ему. Мы, трое медвѣжатъ, стояли на берегу, смотрѣли на его фокусы и весело смѣялись.

— А не перейти ли намъ на ту сторону? вдругъ предложила мать.— Тамъ много черники, а она вкусная.

Она взяла въ зубы меня, а нянька моего маленькаго братишку, и мы переплыли черезъ рѣку. Затѣмъ она послала няньку обратно за оставшимся. Онъ заупрямился.

— Плыви-же за послѣднимъ! крикнула мать, замѣтивъ, что онъ не собирался этого дѣлать.— Онъ тамъ одинъ, его могутъ одного тамъ обидѣть.

— Не желаю, отвѣтилъ нянька.— Я уже и такъ весь измокъ.

— А ну-ка, повтори, что ты сказалъ? крикнула мать.

— Не желаю! буркнулъ ей въ отвѣтъ нянька.

Тогда она подошла къ нему, дала ему лапой звонкую оплеуху и столкнула въ воду.

— Я тебѣ покажу, какъ не слушаться!.. сказала она.

Онъ испугался и поплылъ за послѣднимъ медвѣжонкомъ.

Затѣмъ мы отправились по чернику. Мать и братъ лакомились ею съ удовольствіемъ и намъ, малышамъ, глядя на нихъ, было завидно.

— Мама, позволь и намъ! упражнявали мы.

Но она была непреклонна.

— Вы еще малы! отвѣчала она. — Вы должны еще сосать одно только молочко! Вотъ подождите, исполнится вамъ полгода, тогда будете кушать все!

И дѣйствительно, черезъ два мѣсяца мы уже ѣли все, а къ концу года, къ зимѣ, должны были уже заботиться о себѣ сами.

— Ну, теперь вы уже большіе, обратилась къ намъ мать. — Теперь вы сами можете добывать себѣ пропитаніе. Прощайте! Можете уходить на всѣ четыре стороны. Пусть одинъ изъ васъ останется при мнѣ и будетъ у меня потомъ нянькой, а ты, обратилась она къ нашему старшему брату, — теперь свободенъ. Твои обязанности уже окончились. Можешь убираться, куда угодно!

Нашъ нянька этого не ожидалъ.

— Неужели? радостно воскликнулъ онъ. — Значить, я теперь свободенъ?

И онъ сталъ отъ радости танцовать. Натоптавшись на одномъ мѣстѣ, онъ потрясъ головой и даже не простившись съ нами, бросился отъ насъ бѣжать и скоро скрылся въ густой чащѣ лѣса.

Мы простились съ нашей матерью и новой нянькой и разбрелись въ разныя стороны.

И вотъ я одна. Было холодно, шелъ снѣгъ, я шла и чувствовала какую-то странную дремоту, которая одолевала меня и сковывала всѣ мои члены. Я не могла поднять отъ земли голову и глаза слипались у меня отъ сна.

Спать, спать, спать!

Я зашла въ чащу лѣса, выбра-

ла себѣ мѣсто для берлоги и, углубивъ ее подъ самые корни сосны, устлала ее сухими листьями и улеглась. Ахъ, какъ сладко я заснула! Мнѣ не хотѣлось двигаться, раскрывать глаза, выглядывать изъ берлоги. А въ это время дулъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ и заметало всѣ слѣды. Скоро меня занесло снѣгомъ совсѣмъ. Я лежала въ теплѣ, въ темнотѣ, и только иногда, когда мнѣ вдругъ сильно хотѣлось ѣсть или пить, я сосала свою лапу и мнѣ казалось, что это удовлетворяло мой голодъ.

Цѣлые три мѣсяца пролежала я въ берлогѣ, подъ снѣгомъ, безъ всякой пищи и питья, и наконецъ, когда наступила весна, побѣжали ручьи и запѣли радостно птицы, я проснулась отъ глубокаго сна и вылѣзла на воздухъ. Какъ все было для меня ново, интересно, какъ все казалось мнѣ привлекательнымъ впереди! Я вышла, размялась, потянулась и затѣмъ стала ѣсть. Ахъ, какъ много я съѣла въ первый-же день! Затѣмъ я стала гулять. Я совершала свои прогулки недалеко отъ своей берлоги и всякій разъ возвращалась къ себѣ обратно на ночлегъ. И я видѣла, какъ пробуждалось все въ природѣ, какъ стали бѣгать по лѣсу звѣрки и летать птички и какъ каждый изъ нихъ сталъ обзаводиться своимъ домкомъ.

И вдругъ я встрѣтилась съ другимъ медвѣдемъ.

— Знаешь, что? обратился онъ ко мнѣ. — Давай и мы тоже обзаведемся своимъ домкомъ!

И мы стали жить вдвоемъ. Мы совершали наши прогулки вмѣстѣ, ходили на сосѣдную пасѣку и воровали у человѣка

медъ и вообще не было въ нашей жизни ничего такого, чего-бы мы не дѣлали вмѣстѣ. Такъ продолжалось до слѣдующей зимы. А затѣмъ и меня и его потянуло снова ко сну.

— Мнѣ спать хочется... сказалъ онъ мнѣ.—Прощай! Ложись ты въ свою берлогу и спи въ ней до весны, а я пойду куда-нибудь подалее, найду себѣ другую берлогу и постараюсь въ ней проспать всю зиму!

И мы разстались. Снова задулъ вѣтеръ и началась стужа. Повалилъ хлопьями снѣгъ и меня на цѣлые три мѣсяца занесло подъ сугробами. Я спала, сосала въ дремотѣ лапу и не думала и не соображала ни о чемъ.

А когда наступила весна и растаялъ снѣгъ, то Господь послалъ мнѣ радость: у меня родились трое прехорошенькихъ, головастенькихъ медвѣжатъ. Въ особенности былъ забавенъ одинъ изъ нихъ, самый младшій, котораго люди впоследствии прозвали Тимкой. Этотъ Тимка былъ похожъ на живую игрушку и мнѣ казалось, что лучше его не могло быть звѣрка во всемъ свѣтѣ. Онъ былъ не истощимъ на выдумки, и не проходило минуты, чтобы онъ не сдѣлалъ какой-нибудь проказы. Этого Тимку я не могу забыть до сихъ поръ.

Цѣлые четыре мѣсяца я продержала своихъ дѣтей около себя въ берлогѣ и кормила ихъ своимъ молокомъ. А затѣмъ, когда уже было необходимо вывести ихъ на Божій свѣтъ, то мнѣ захотѣлось сдѣлать имъ пріятное и я сказала:—

— Пойдемте, я покормлю васъ медкомъ!

И я повела ихъ на сосѣдную

пасѣку. Мы подошли къ улью, я сорвала съ него крышку, выворотила изъ него цѣлую ковригу меду и бросила дѣтямъ. Они съ радостью бросились на него и сѣли

— Еще, еще! запищали они.

Я хотѣла было приняться за другой улей, но въ это время меня больно ужалила между глазъ пчела. Мы, медвѣди, не переносимъ укусовъ насѣкомыхъ, я зарычала, забилась, замотала головой и потомъ, не помня себя отъ боли, побѣжала прочь. Дѣти въ испугѣ послѣдовали за мной. Но въ эту минуту я вдругъ услышала лай собакъ, затѣмъ раздался выстрѣлъ и другой, я почувствовала сильную боль въ боку, въ глазахъ у меня помутилось и я упала безъ чувствъ на землю. Оба выстрѣла попали въ меня.

— Ага! Попались! слышались голоса людей.—Теперь мы вамъ зададимъ!

А далѣе я уже не слышала ничего.

Когда я очнулась, то увидела себя связанной и въ намордникѣ и не могла пошевелинуться отъ боли. Около меня, столпившись кучкой, сидѣли мои медвѣжатки и дрожали отъ страха. Мы были заперты въ каменный сарай. Я не помню, сколько времени мы просидѣли въ этомъ сарайчикѣ, но когда дверь отворилась и мы снова увидѣли свѣтъ, то къ намъ вошли три человѣка, похожіе на цыганъ, и долго осматривали насъ со всѣхъ сторонъ.

— Славные медвѣди! говорили они.—За нихъ можно выручить хорошія деньги!

— Въ особенности тотъ маленькій Тимка хорошъ! сказалъ одинъ.

изъ нихъ, указавъ на моего младшаго сынишку.

Съ тѣхъ поръ онъ и сталъ называться Тимкой.

Они осмотрѣли мнѣ рану, нашли ее неопасной, а затѣмъ сунули моихъ дѣтей въ мѣшокъ, взяли меня за заднія лапы и за плечи, и вынесли на воздухъ. Я была крѣпко связана и въ намордникѣ, ничего не могла сдѣлать и только рычала отъ злости.

Меня положили въ телѣгу и повезли въ городъ. Все время мои медвѣжата плакали въ мѣшкѣ и звали меня къ себѣ. Сквозь мѣшокъ я чувствовала теплоту ихъ тѣлъ и это хоть немного радовало меня: я по крайней мѣрѣ хоть знала, что они были живы.

— Бодритесь! говорила я имъ.— Вѣроятно, насъ скоро отпустятъ на свободу!

Но этого не случилось. Насъ привезли въ городъ и доставили прямо въ звѣринецъ. Здѣсь насъ посадили въ клѣтку съ каменнымъ поломъ, среди которой стоялъ обрубокъ, голый и облѣзлый, который долженъ былъ замѣнить для насъ дерево. Тогда я поняла, что я и мои дѣти навѣки лишились свободы.

— Мама, гдѣ мы? спрашивали меня дѣти.— Куда насъ привезли?

Съ утра и до вечера толпилась публика, играла музыка, которая мѣшала намъ спать, и въ звѣринцѣ ревѣли невиданные звѣри. Бѣдный Тимка потерялъ свою веселость и сталъ все чаще и чаще задумываться.

— Мама, пойдемъ домой! жалобно говорилъ онъ,—Мнѣ здѣсь страшно и скучно!..

Мнѣ было жаль дѣтей, но что

я могла для нихъ сдѣлать? Мнѣ развязали лапы, сняли съ моей головы намордникъ, но я долго еще хворала. Я лежала на спинѣ, дѣти ласкались ко мнѣ, маленькій Тимка бросалъ свой мячикъ, который ему кинули въ клѣтку для забавы, и тоже старался меня приласкать, но я тосковала, часто плакала и ничто не могло меня утѣшить.

Мѣсяцъ спустя, у меня отобрали моихъ дѣтей. Пришелъ какой-то человекъ, уплатилъ за нихъ моему хозяину деньги, надѣлъ на нихъ ошейники и увелъ ихъ, бѣдненькихъ, за цѣпочки. Съ тѣхъ поръ я не видѣла ихъ уже никогда. Ахъ, съ какимъ ревомъ я бросилась вслѣдъ за ними, но крѣпкія желѣзные рѣшотки разбередили мнѣ рану, и я въ злобѣ и отчаяніи повалилась на полъ. Какъ я возненавидѣла эту непрерывную музыку въ звѣринцѣ, это насиліе людей надъ звѣрями и это странное праздное любопытство зѣвакъ, которые приходили въ звѣринецъ и платили деньги только за то, чтобы посмотреть на наши страданія.

И вотъ я въ тяжелой неволѣ. Я примирилась уже со своимъ положеніемъ, поняла, что мнѣ уже никогда не увидѣть свободы, и я покорно жду своего конца. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я не умерла тогда отъ тѣхъ ранъ, которыя получила въ бокъ, когда была съ дѣтьми на пасѣкѣ! Гдѣ теперь мои дѣти? Гдѣ-то теперь мой маленькій, головастенькій Тимка? Я часто вспоминаю о нихъ и часто вижу ихъ во снѣ.

Музыка гремитъ каждый день до двѣнадцати часовъ ночи и

все время не даетъ намъ покоя. Люди смотрять на насъ сквозь прутья рѣшетки и я не могу выносить ихъ глазъ. Я не могу простить имъ своей неволи и неизвѣстной судьбы моихъ дѣтей и мнѣ хочется плакать, жаловаться и хочется получить хоть какой-нибудь отвѣтъ на мучительный вопросъ, который вотъ ужъ сколько времени не даетъ мнѣ покоя: зачѣмъ людямъ нужны наши бесполезныя страданія? Неужели имъ пріятно, что мы въ неволѣ?

Наступаетъ ночь. Музыка смолкаетъ, публика уходитъ и сторожъ тушитъ лампы, хозяинъ запираетъ звѣринецъ и уходитъ къ себѣ домой. Въ звѣринцѣ водворяется сравнительная тишина. О, если бы человѣкъ зналъ, сколько тяжкихъ

вздоховъ, сколько стоновъ вырывается каждую ночь изъ груди несчастныхъ звѣрей, лишенныхъ родины и свободы, и обреченныхъ на полуголодную смерть! Многие изъ нихъ не могутъ спать отъ тоски, а другіе могутъ спать только днемъ, но имъ мѣшаетъ музыка и барабанъ. Плачутъ горько обезьяны, жалобно кричить попугай и въ громкомъ рычаніи льва слышится тоска по родной пустынѣ.

А за стѣною злится вѣтеръ и гудитъ метель. Стоитъ зима. Какъ-бы я хотѣла заснуть и проспать, не пробуждаясь, мѣсяца три или четыре. Но увы! въ неволѣ медвѣди не спятъ—и это еще болѣе заставляетъ меня вспоминать о лѣсѣ, объ уютной берлогѣ и о долгомъ, спокойномъ снѣ...

С. Вершининъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманное слово состоитъ изъ восьми буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

Буквы 7. 6. 5. 7. 1 означаютъ названіе домашняго хищнаго звѣря, 7. 1. 2. 3. 6. 5. 7. 1—то, что мы ѣдимъ почти каждый день, 7. 4. 3. 8.— большое водяное млекопитающее, 7. 2. 6. 3, 8.— земляное животное, 7. 6. 2. 3. 4. 7. 8.— принадлежность вооруженія морского офицера.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ вкусный огородный овощъ.

II.

Три, да три, да три—что будетъ?

III.

Почему человѣкъ идетъ въ постель, когда онъ хочетъ спать?

IV.

Если къ первой половинѣ села прибавить часть скелета, то получится благородный металлъ. Какой это металлъ?

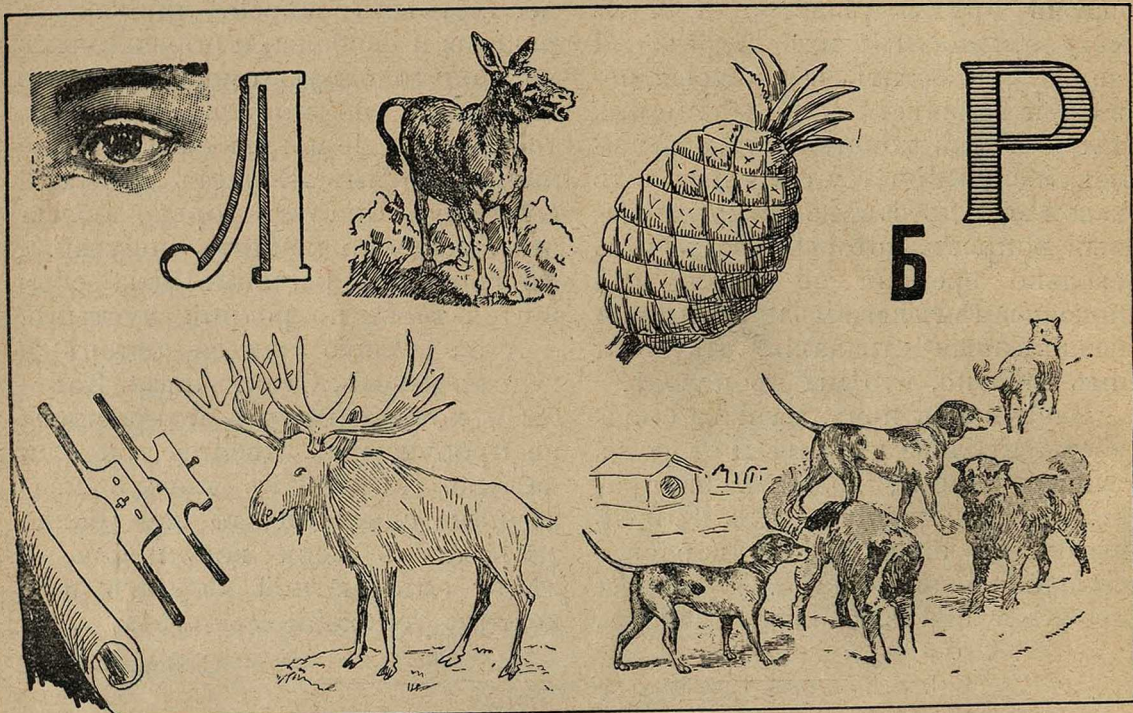
V.

Какъ называется та ягода, три послѣднія слога названія которой составляютъ то, что для насъ милѣе всего?

VI.

Два отца, два сына, дѣдушка и внучекъ съѣли по одному яйцу, сколько яицъ они съѣли?

Ребусъ № 2.

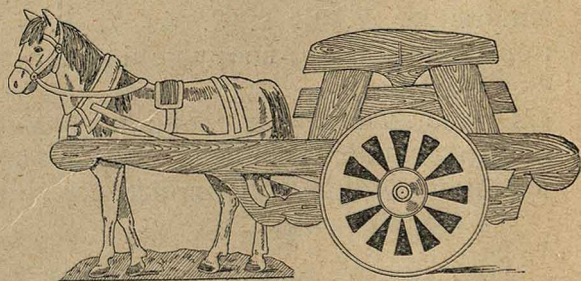
(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны .

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 24, помѣщенныхъ въ № 24, „Золотого Дѣтства“

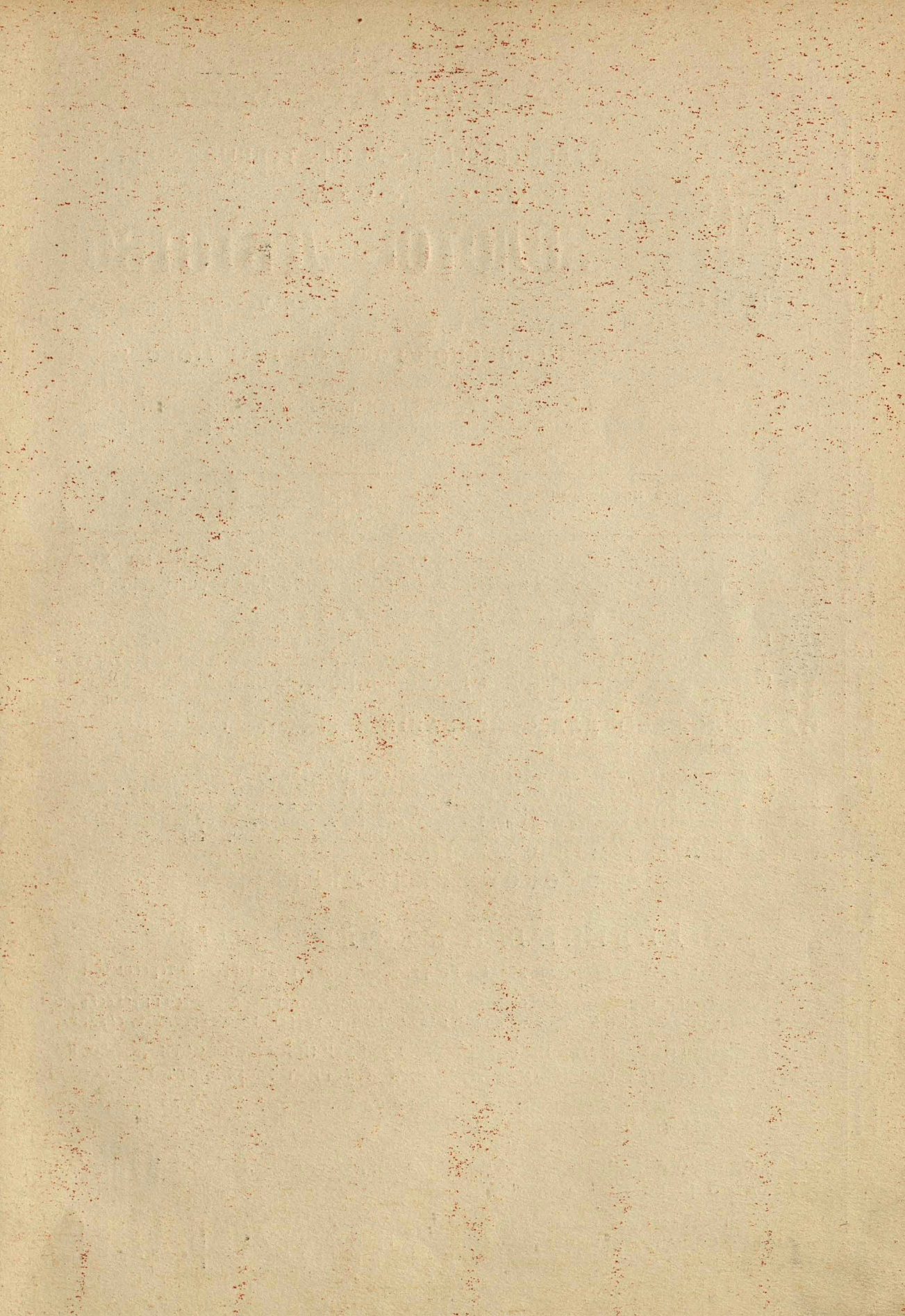
Головоломки: I)ка+луга (Калуга); бѣло+стокъ (Бѣлостокъ).Мо+сква (Москва), ...ко+зл+въ (Козловъ), астра+хань (Астрахань). II) паркъ, пика, прись. Кипа, рись. Кипарись. III) По матеріи. IV) За заборами, рѣшотками и палисадниками. V) Желѣзнодорожное. VI) По землѣ и по полу.

Впріямъ рѣшенія разныхъ ребусовъ и головоломокъ прислали: Дина, Леля и Еня Дудатій, Зинаида Савойская, Витя Вейсбергъ, Ларя и Дуся изъ Чугуева, Ксенія Бочарова, Дима Нефедовъ, Шура Залогинъ, Женя Кравцовъ, Вѣрочка, Виля и Лидочка Исковы, Толя и Воря Буряковы, Коля и Мѣша Ковдратенко, Боярышня Роза, Воря и Шура Суднишниковы, М. А. Страхилевичъ, Жена Ямпольскій, Вѣра Семевская, Чира Семевская, Вадя и Шува Кардасъвичи, Митя Сорокинъ, Веніаминъ Бурштейнъ, Лева Ивановъ, Жина, Лаля и Вѣруся Дадыкины, Воля и Галя Полуяновы, Саша, Лиза и Ежикъ Гаховичъ, Коля и Пава Трофимовы, Михаилъ и Павелъ Туленковы, Женя Файнбергъ, Катя Меньшигова, Владиміръ Лопатинъ, Хаймъ Шпир-

тусъ, Павелъ Цукерманъ, Шура Аксенова, Лида и Лара Серебровскія, Надя Виноградова, Леля и Соня Никитины, Юрикъ, Катюша, Саша Толстикъ, Ньюка-Хоръ, Душенька-Аркадикъ и Коля-Чижикъ Одигитрѣвскіе, Валентинъ Петровъ, Сергій Думаревскій, Лидочка Юдина, Борисъ Якобсонъ, Саша Никифорова, Коля Краузь, Шура Брукъ, Бравый реалистикъ, Крошка-Гимназистка и Зайчикъ-Степанчикъ, Катруся Опешко, Люся Первушина, Толя и Катя Туръ, Сергій, Игорь и Лина Халтурины, Женя Трифоновъ.

Модель приложенія къ этому номеру.

Годъ седьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

художественно-литературный журналъ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.), а именно:

1) Аэропланъ. 2) Вилла. 3) Телѣга съ лошадкой. 4) Автомобиль. 5) Гуси домой! (игра). 6) Деревенская усадьба. 7) Письменный столъ, кресло и стулья. 8) Турецкій диванъ, тумбочка и шкафъ. 9) Русская тройка. 10) Осель летаетъ! (игра). 11 и 12) Вокзалъ желѣзной дороги съ поѣздомъ. 13) Вагонъ трамвая. 14) Водяная мельница. 15) Шарабанъ. 16) Автомобильныя гонки (игра). 17) Столовые часы (модель). 18) Игра въ путешествіе. 19) Швейцарскій домикъ. 20) Античная ваза. 21) Пароходъ. 22) Кто скорѣе (игра). 23 и 24) Городокъ XVI вѣка.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ПОДПИСАНИЕ ОТЪ ДѢТЕЙ